

От прекрасного к вечному: эволюция творческих принципов

И.А. Бунина

Иван Алексеевич Бунин (1870-1953) – крупнейший писатель XX столетия, во многом определивший пути развития литературы нового времени, был убежден, что не должно быть «деления художественной литературы на стихи и прозу», и признавался, что такой взгляд кажется ему «неестественным и устарелым». «Поэтический элемент, - продолжал он свою мысль, - стихийно присущ произведениям изящной словесности одинаково как в стихотворной, так и в прозаической форме. Проза также должна отличаться тональностью. Многие чисто беллетристические вещи читаются как стихи, хотя в них не соблюдаются ни размер, ни рифма... К прозе не менее, чем к стихам, должны быть предъявлены требования музыкальности и гибкости языка» (Бунин 1965 -1967, 9:539).

Наиболее полно эти требования реализовались в шедевре бунинской прозы – рассказе «Антоновские яблоки», написанном в 1901 году. В этом произведении отчетливо явлено лирическое начало, подчиняющее себе все остальное. Рассказ представляет собой единый лирический монолог, передающий душевное состояние героя. Значимыми становятся ритм поэтического дыхания, музыкальность, неопределенная зыбкость интонации, импрессионистическая образность. Лирика как бы ведет за собой прозу. Писатель активно использует уподобления, метафоры, эпитеты, первоначально возникшие в его стихах и переживающие здесь свое второе рождение. Повествование течет, повинувшись лишь прихотливому настроению художника, изредка прерываясь размышлениями «по поводу», которые вплетаются в ткань повествования, почти не обнаруживая шва. Благодаря насыщению повествования поэтической образностью, метафорами, вырабатывается особый лаконизм, сопряженный с магической плавностью и завораживающей протяженностью. Предельная концентрированность деталей, смелость сравнений производят впечатление нарядности, богатого убранства повествования, остающегося при этом строгим, резким, четким. Не здесь ли кроются истоки своеобразия более поздней прозы писателя, которая получила название «парчевой»? Повторы слов, паузы создают выразительный музыкальный лад. Вот лишь один отрывок из «Антоновских яблок»: «Вспоминается мне ранняя погожая осень.<...> Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и - запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести» (Бунин 1994 -2000, 2:172).

«Антоновские яблоки» явили собой необыкновенный взлет мастерства Бунина, до этого уже почти 10 лет плодотворно работавшего в литературе. В них явно произошла и идейная «переориентация» писателя. Ранний Бунин работал преимущественно в русле, близком народническому умонастроению, т.е. его произведения пронизывала жалость к погибающим, разбросанным по отдаленным уголкам России крестьянам, к нищающей деревне. Он касался социальных проблем, обозначая пропасть между властью имущими и людьми, обделенными самым необходимым. Теперь же главным в его вещах становится прощание с Красотой. Горечь по навсегда утрачиваемому, растворяющемуся в дымке времени укладу жизни, обычаям, привычкам определяется тем, что человек всегда склонен поэтизировать то, что теряет. От общественного содержания, которое во многом конструировало его ранние вещи, писатель переходит к живописанию настроения, которое и становится главным «событием», «сюжетом» произведения. Одному из современников Бунина эти произведения напомнили по жанру стихотворения в прозе.

Бунин обогатил лирическую прозу начала XX века открытием новых, ранее не исследованных связей человека и окружающего мира. Взаимодействие окружающей природы и чувств героя становится предельно интенсивным. Для Бунина, по его собственному признанию, «мир – зеркало, отражающее то, что смотрит в него. Все зависит от настроения. Много у меня было скверных минут, когда все и вся казалось глупо, пошло, мертво, и это было, вероятно, правда. Но бывало и другое, когда все и вся было хорошо, радостно и осмысленно» (Бонами 1962, 13). И добавлял, когда его упрекали в пристрастии к изображению природы: «Я ведь о голой и протокольно природе не пишу. Я пишу или о красоте, то есть, значит, все равно, в чем бы она ни была, или же даю читателю, по мере сил, с природой часть своей души. <...>. И разве часть моей души хуже какого-нибудь Ивана Петровича, которого я изображу?» (Бунин 1994 - 2000, 2:540). Да, писатель обнажал свою душу, но не отказывался и от изображения людей. Однако теперь его герои заняты не столько тем, что действуют, сколько тем, что *переживают* самые разнообразные настроения, вызываемые внешними впечатлениями. Отражение мира отныне возникает в его произведениях в психологическом преломлении. Однако помимо традиционного «очеловечивания» природы, встречавшегося в искусстве и ранее, отражения в ней чувств, мыслей, настроений людей, Бунин находит «самостоятельное», отдельное, *эстетическое* начало в самой природе, которое проясняет чувство человека, «запечатлевает» его, придает ему одухотворенность.

Первоначально «Антоновские яблоки» предназначались для книги «Эпитафии», задуманной Буниным как прощальное слово, сказанное им вслед уходящему миру русского дворянства. В нее должны были войти еще рассказы «Руда» и «Новая дорога». Время